

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

М. Г. Рабинович

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ РУССКИЙ ГОРОД В БЫЛИНАХ

Проблема использования фольклора (в частности, былин) как исторического источника в последние десятилетия не раз ставилась в научной литературе. В настоящее время не подлежит сомнению, что былины — важный, богатый яркими подробностями исторический источник, но что использование этого источника возможно лишь при условии строгой научной его критики¹.

В силу жанровых особенностей, свойственных фольклорным произведениям, передаваемым из уст в уста, былина представляет собой сложный источник, в создании которого кроме автора первоначального текста принимали участие и все последующие исполнители, жившие в разные эпохи на разных территориях. Каждый из них по-своему воспринимал содержание былины в целом и художественные подробности, детали повествования, снабжал текст новыми, более близкими его времени штрихами. Так могли возникнуть, например, такие строки:

— Он направил свою все *каляну сътрелу*,
Он просьтрёлл у ево да все как правой бок;
Ише вышла *пуля* — то все в левой бок².

когда сказитель заменял устаревшее оружие современным непосредственно во время исполнения, возможно, неожиданно для самого себя и во всяком случае не заботясь о единстве терминологии.

Говоря о собственно городских былинах, первоначально созданных в конкретных древнерусских городах — Киеве, Чернигове, Галиче, Великом Новгороде и др., необходимо учитывать и то, что записаны эти былины не только в другое время (почти на целое тысячелетие позже), но что сказитель, от которого они записаны, жил в другой, удаленной и от Киевской Руси, и (в меньшей степени) от Новгородчины сельской местности, и, возможно, никогда не бывал ни в одном из упомянутых городов, а то и вообще ни в каком городе; что городской быт ему в общем незнаком, а окружавшая его сельская действительность буквально ломилась в рассказываемое им произведение.

При всем том, услышанная от предшественника былина была для сказителя каноническим текстом, который он стремился передать слушателям, сохраняя в основном дух этого текста, хотя, как увидим, не всегда сохранял его букву. Не только основной сюжет, но и многие детали первоначального текста сохранились при этом с глубокой древно-

¹ См. *Липец Р. С., Рабинович М. Г.* К вопросу о времени сложения былин. Вооружение богатырей. — Сов. этнография, 1960, № 4; *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.: Изд-во АН СССР, 1963; *Липец Р. С.* Эпос и древняя Русь. М.: Изд-во АН СССР, 1969; *Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л.: Наука, 1982.

² Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901, с. 88.

сти, хотя и были приукрашены новыми штрихами, иногда совершенно чуждыми древнему образу.

Сохранилось прежде всего отношение сказителя к городу, высокий престиж города в глазах деревенского жителя. Город — это какая-то обетованная земля, счастливое селение, где живет ласковый князь со своим блестящим двором, куда стремятся все лучшие люди и находят (иногда не без борьбы) место, подходящее им по их высоким качествам — силе, храбрости, ловкости, преданности родине, а иногда и умению вовремя сказать бойкое слово.

В городе невиданно высокий уровень жизни, для описания которого сказитель не жалеет гипербола.

Думается, что все это показатель довольно далеко зашедшей урбанизации, если понимать под урбанизацией не только рост городов, и проникновение в деревенский быт отдельных явлений городской жизни, но и главным образом изменение отношения к городу в негородской среде, восприятие городского образа жизни как высокого, порой недостижимого образца.

Рассмотрим высказанные только что положения на примере нескольких городских былин — о Дюке Степановиче, Василии Буслаевиче, Садко. В былинах присутствуют сочные реалистические черты городской жизни.

Вот при дворе киевского князя появляется сын галицкого боярина Дюк Степанович — и тут же на первый план выходит соревнование городов: какой город лучше во всех отношениях — Киев или Галич? Заезжий гость полон решимости не дать в обиду, ни себя, ни свой родной город. Он нападает первый, избирая объектом нападения сначала городское хозяйство:

— Поцему-ж у вас улушки есть грязныи,
Как измарал я свои чоботы дорожныи?
Как у нас-то во городе во Галиче
Да мошены были мосты все дубовые,
Сверху стланы да сукна багрецовые,
Наперед-де пойдут у нас лопатники,
За лопатниками пойдут и метельщики,
Очищают дорогу сукна стлатого³

А твои мосты, сударь, неровные,
Неровные мосты да все сосновые⁴.

Далее следуют и другие нападки: «у Владимира все не по-нашему» — и вино хранят не так, и пироги пекут не так. Вот в Галиче — другое дело.

Однако поговорим сначала о мостовых. В те годы, когда записаны былины, историческая наука еще не знала о широком распространении в древнерусских городах мощения улиц, и в частности деревянных, преимущественно сосновых, мостовых. Исследование мостовых — одно из достижений археологии за последние 75 лет. Правда, в некоторых северных русских городах и даже в деревнях бытовали в 1870-х годах деревянные мостовые, как бытуют они и до нашего времени, например, в Архангельске, но, пожалуй, никто не видел в этом сохранившейся давней традиции. Когда в Новгороде в 1910 г. при раскопках впервые открыли в детинце древние деревянные мостовые и руководители экспедиции — знаменитый художник и археолог Н. К. Рерих и Н. Е. Макаренко — доложили об этом, возникли сомнения в правильности интерпретации находки, и даже такой опытный археолог, как Н. И. Репников, высказал мнение, что за мостовую принята авторами раскопок какая-то деревянная конструкция иного назначения, например пол жилого или производственного помещения.

Деревянные мостовые из положенных поперек оси улицы слегка стесанных бревен, опиравшихся на продольные лаги, обнаружены при ар-

³ Дюк. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Изд. IV, т. III. М.—Л., 1951, № 213, с. 102.

⁴ Там же, № 225, с. 194.

хеологических раскопках многих древнерусских городов, в том числе таких крупных, как Великий Новгород, Полоцк, Киев, и малых городков, как Друцк или Москов XI—XII вв.⁵ На мощение улиц шли преимущественно хвойные деревья (в основном сосна) — ценится их прямой ровный ствол⁶. Там, где мостовые содержались хорошо, с них периодически счищалась грязь и износившиеся бревна заменялись новыми довольно часто, поэтому новый ярус мостовой ложился при ремонте почти непосредственно на старый. Там, где мостовые содержались хуже, при раскопках находят ярусы мостовых, отделенные один от другого довольно значительной прослойкой земли.

Таким образом, спор о том, как устроены и как содержатся мостовые, мог возникнуть и, наверное, не раз бывал предметом разговоров и шуток древнерусских горожан.

Известно также, что не всякий горожанин ходил просто по мостовой. Существовал древний обычай стелить знатым лицам под ноги куски дорогих материй. В известных случаях этой чести удостаивались и не очень знатные люди. Например, во время свадебного торжества «молодой князь с молодой княгиней» (жених с невестой), выходя на улицу, должны были ступать не по мостовой, а по дорожке из дорогих тканей — от крыльца до саней, от саней до церкви и в самой церкви. При этом разрешалось переносить куски ткани, по которым молодые уже прошли, вперед, чтобы использовать снова. Так рекомендовал в XVI в. «Домострой»⁷.

Древнейшие горизонты мостовых датируются обычно временем, близким к возникновению города. Когда же возник обычай стелить в торжественных случаях дорожки из тканей, пока не установлено. Думается, что эпизод с деревянными мостовыми, покрытыми багрецом, присутствовал в первоначальном тексте былины, что он взят автором с натуры. Но как расцвелили его позднейшие исполнители! По всей вероятности, они не бывали ни в Галиче, ни в Киеве и в их художественном арсенале не было атрибутов конкретной древнерусской городской действительности. И вот появились образы, частью взятые из привычных уже текстов, частью вымышленные. Если в Киеве мостовые сосновые (что вполне могло быть и на самом деле), то какие мостовые в Галиче, где вообще все на более высокой ступени? Тут появляются «мосточки калиновы» — привычный для былины образ, но его потребовалось дополнить — «а вбиты гвоздочки шеломчатые» — это уже деталь придуманная: гвозди в конструкции мостовых не применялись. Иногда «калиновые» заменены на «каленные». В другой записи говорится, как мы видели, что в Галиче «мосты все дубовые»⁸.

Кто-то из позднейших исполнителей, видимо, не живший в городе, представил себе, будто в Галиче сукно всегда постлано на мостовую; оно, естественно, зарастает грязью, которую надо счищать уже лопатами, а затем подметать суконную дорожку. Очищающие мостовую лопатники и метельщики — образ очень яркий и, возможно, первоначальный, но то, что расчищается «дорожка сукна стлатого», вероятно, позднейшее наслоение, прижившееся и вошедшее во все записанные А. Ф. Гильфердингом тексты.

Другой эпизод — состязание приезжего галичанина с членом княжеского двора — «щапленье» — соревнование в франтовстве Дюка и Чурилы. Три дня они должны были «щапить — басить» — появляться в роскошной одежде — кто кого перефрантит. Здесь интересно то, что у обоих

⁵ Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода. — Материалы и исследования по археологии СССР (далее — МИА СССР), 1956, № 55, с. 9; Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли. Минск: Наука и техника, 1978, с. 126, 130; Рабинович М. Г. О древней Москве. М.: Наука, 1964, с. 258; Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв. Киев: Наук. думка, 1980, с. 85.

⁶ Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М.: Наука, 1968 (Свод археологических источников. Е 1—55), с. 11.

⁷ Домострой по списку Общества истории и древностей российских. М., 1882, с. 180—181.

⁸ Онежские былины, т. III, № 230, с. 214, № 213, с. 102, № 225, с. 194.

франтов была распашная верхняя одежда с художественными застежками (крючками и петлями) на каждой стороне, дополняющими одна другую по характеру орнамента. У Чурилы на застежках изображены молодцы и девицы, у Дюка — змеи и звери. В этих описаниях можно увидеть следы древних реалий. Распашная верхняя одежда, от которой остались только парные металлические бляшки (соответственно с крючком и петлей), найдены при раскопках дружинных курганов X в. — Гнездово под Смоленском и Гульбище под Черниговом⁹. В последнем случае пять пар бляшек имели симметричный растительный орнамент. И уже дело фантазии художника-сказителя поместить на бляшках живые, чудесным образом двигающиеся фигуры. Обратим внимание на то, что победу Дюку приносят в частности изображения змей. Среди украшений мужского древнерусского костюма XII—XIV вв. известны и так называемые «змеевики» — амулеты, в орнаментике которых значительное место занимали изображения змей («змеиное гнездо»). Исследователи считают, что в этом отразилось двоеверие¹⁰.

Таким образом, описание верхней одежды в былине о Дюке вполне соответствует известным древнерусским археологическим материалам и, очевидно, относится к первоначальному варианту былины.

Этого нельзя сказать об обуви, которой в эпизоде «щапленья» также уделено значительное внимание. Остроносая обувь на высоком каблуке («носки шилом да и пята востра») — это мода XVI—XVII вв. Древнерусская обувь была на мягкой подошве, без каблуков. Носы довольно узкие, но не заостренные и не загнутые вверх¹¹. Если сапоги Чурилы соответствуют, как сказано, городской моде, более поздней, чем время создания былины, то украшенные драгоценными камнями «лапотки», в которых приходит Дюк, — типичная гипербола былины, ей нет и не может быть соответствия в реалиях. Можно только сказать, что вообще лапти в древней Руси, как и позже, были деревенской, а не городской обувью и ввел их в повествование, по всей вероятности, сказитель-крестьянин. Но нарядная кожаная обувь — сапоги, чоботы, поршни — бывала и ажурной, и расшитой цветными нитками, украшенной тиснением и бляшками. Находки ее при раскопках больших городов нередки.

Большой интерес представляет еще описание нарядной уличной толпы, когда горожане идут в церковь к обедне. И здесь, конечно, перед нами гипербола, стремление автора показать преимущества Галича над «провинциальным» Киевом. В Галиче служанка одета, как в Киеве — госпожа. Но вместе с тем сам характер описания позволяет увидеть картину городской жизни, живую и убедительную, хотя и лишённую каких-либо точных хронологических признаков.

Такая же картина городского быта, может быть даже несколько более обогащенная деталями, видна в новгородских былинах. Коснемся двух наиболее известных — былины о Василии Буслаевиче и о Садко.

Первая из них особенно интересна для нас тем, что сохранился ее ранний вариант, относящийся, по мнению исследователей, к XVII в. и записанный в конце XVIII в., почти на целое столетие раньше большинства русских былины¹².

Сюжетная основа древней былины не меняется в течение ряда столетий: в славном Великом Новгороде сын почтенных родителей Василий Буслаевич, войдя в возраст, отбился от рук, не слушается ни старой матери, ни почтенных «отцов города», чудит, набрал себе в дружину

⁹ Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. — МИА СССР. М. — Л., 1949, № 11, с. 37—39.

¹⁰ Там же, с. 57; Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.: Наука, 1981, с. 65—69.

¹¹ Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесла Новгорода Великого. — МИА СССР. М., 1959, № 65, с. 210—214; Рабинович М. Г. Указ. раб., с. 106—109.

¹² Пересказ В. А. Левшина 1783 г. — В кн. Новгородские былины/Подготовили Смирнов Ю. И. и Смолицкий В. Г. (серия «Литературные памятники»). М.: Наука, 1978, прилож. I, с. 142—147.

сущих разбойников и вообще волнует весь город, покуда не «успокоил-ся» в дальнем странствии.

Сравнивая тексты различных записей, мы видим, что древнейший из них содержит больше деталей специфически новгородских. Так, если в поздних записях из собственно новгородской топонимики встречается лишь название главной реки — Волхова и знаменитого моста через нее, а улицы либо названы по реке — Волхова улица, по-видимому, заменившая Волхов мост («по той Волховой по улице») ¹³, либо вовсе никак не названы («на те вулицы широкие, и на те частыя переулачки») ¹⁴, то в записи XVIII в. не раз упоминается конкретная новгородская улица Рогатица ¹⁵, переименованная лишь в советское время. Здесь можно наблюдать то же явление, о котором мы уже говорили: первоначально былина имела точные определения места действия (в том числе улицу Рогатицу). Исполнители XIX в. уже не знали новгородских улиц, и былина утратила древнее название Рогатицы. Также не вполне точны определения места и в других случаях.

Часто упоминается «Волхов мост» (в частности, как место состязания) ¹⁶. Но такие, например, строки, как «у чудна креста, у жива моста, у матушки реки Волхови», заставляют задуматься: новгородский мост по крайней мере с XII в. не был «живым» (т. е. составленным из плотов или судов). Он имел весьма современную для своего времени конструкцию со срубными быками, широким проезжим полотном и даже перилами ¹⁷. Быстрое, зачастую бурное течение Волхова вряд ли допускало сооружение длинного «живого» моста и в более раннее время. По всей вероятности, этот образ привнесен более поздним исполнителем, который видел «живые» мосты в сельской местности или вообще у небольшой реки. А в некоторых вариантах былины мост и вовсе не упоминается ¹⁸. Сказатели иногда переносят место действия в Киев, даже в Москву, упоминают Днепр (Непре-реку), а то и Дунай ¹⁹.

Древний вариант былины довольно точно передает важнейшие черты социального и политического строя Новгородской республики, отражая их в конкретной бытовой обстановке города. Так, посадники новгородские собирают «большой совет» в теремах тайницких ²⁰. В XVIII в., когда был записан этот вариант былины, историкам еще не было известно о существовании в Новгороде правительственного совета или, как его иногда называли, «совета господ», в который входили все «старые» (т. е. отбывшие в этих выборных должностях свой срок) посадники и тысяцкие. Эта организация, возглавлявшаяся архиепископом — «владыкой» и фактически правившая Новгородской республикой, по понятным причинам не получила отражения в русских источниках, и только в 1860-х годах историк А. И. Никитский установил ее существование, пользуясь главным образом источниками иностранными ²¹. Между тем для создателя былины это была живая организация, которая должна была решать важнейшие вопросы жизни города и государства, в том числе и как быть с непокорным сыном боярина. Совет господ собирался в наиболее удаленном от народных масс месте — в Кремле, в особой палате — гриднице возле архиепископского дворца; видимо, ее разумеет автор под «теремами тайницкими».

¹³ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Второе дополненное издание/Подготовили Евгеньева А. П. и Путилов Б. Н. (серия «Литературные памятники»). М.: Наука, 1977 (далее — Сборник Кирши Данилова), с. 51—52.

¹⁴ Новгородские былины, с. 6.

¹⁵ Там же, с. 142—147.

¹⁶ Там же, № 2.

¹⁷ См.: *Забелло С. Я.* Каргопольская экспедиция. — Архитектурное наследство, 1955, № 5, с. 14—16; *Рабинович М. Г.* Деревянные сооружения городского хозяйства в Древней Руси. — В кн.: *Средневековая Русь*. М.: Наука, 1976, с. 32—33.

¹⁸ Сборник Кирши Данилова, с. 48—54.

¹⁹ Новгородские былины, № 9, 17, 23 и др.

²⁰ Там же, с. 143—144.

²¹ *Никитский А. И.* Очерки из жизни Великого Новгорода. Ч. I. Правительственный совет. — Журн. Министерства народного просвещения, 1869 октябрь.

Интересно, что в древнейшем варианте былины упомянуты и более мелкие должностные лица — городские глашатаи — «биричи», которых Василий посылает «по всем улицам кликати целый день до вечера», приглашая новгородцев²². В более позднем варианте приглашение передается иначе — Василий пишет «ерлыки», которые рассылает «со слугой своей»²³. Между тем передача городских вестей через беричей, которым власти приказывают «кликать» о том-то и том-то на улицах и площадях города «не по один день», — общее место многих средневековых русских источников²⁴. Неточность автора здесь в том, что беричи обычно исполняли указания городских властей, а не частных лиц. Но, допуская эту неточность, автор все же передал реальный городской обычай — объявления через глашатаев-биричей. Поздний исполнитель был, может быть, по-своему более точен, заменив городского глашатая боярской прислугой, передающей или разбрасывающей письменные приглашения, но думается все же, что эта редакция — прежде всего результат непонимания слова «биричь» и всей ситуации, обычной для средневекового города.

Весьма интересно упоминание в древнейшей редакции былины военной организации Новгорода. Оно сочетается с характерной для этого жанра гиперболой: против всего новгородского войска сражается одна служанка бояр Буслаевых, действуя даже не оружием, а коромыслом, «побивала девчонка тысячу, добивалася она до трех полков»²⁵. Можно подумать, что тысяча — это просто имя числительное, гипербола былины. Видимо, так полагали и позднейшие исполнители, говоря в этом месте, что тот или иной герой побивал «целу сотню ту... до пяти сот... до шести сот... целу тысячу»²⁶.

Между тем тысяча, полки и сотни — это вполне определенные древние военные подразделения. Тысячей (независимо от реальной численности) называлось на Руси до XIV в. все городское войско. В Новгороде тысяча сохранялась до XV в., она состояла из пяти полков (как сам Новгород — из пяти «концов»); возглавляли ее пять воевод. Полки делились на сотни²⁷. То, что девчонка, побивая по сотне, «добивалася до трех полков», можно понять так, что два полка она уже разбила. Так в этом обычном для былины гиперболическом эпизоде отразилась вполне реальная структура новгородского войска, которую исследователи выявили по другим источникам лишь около 40 лет тому назад. В позднейших текстах ни тысяча, ни полки не упоминаются. Названы, как мы сказали, лишь сотни, да и то как простое числительное.

Из известных уже новгородских республиканских порядков в древнейшем варианте былины отражен созыв народного собрания — вече: «на вече бьют в большой колокол»²⁸.

Вместе с этими специфически новгородскими чертами в былине о Василии Буслаевиче описан широко распространенный на Руси обычай братчины — устраиваемого в складчину пира, управляемого выборным старостой по строго регламентированному порядку. Интересно, что ни в одном из вариантов былины здесь нет новгородской специфики: братчина и в древнейшем варианте былины такая, как была повсюду. Может быть, именно это обстоятельство позволило позднейшим исполнителям обогатить сцену братчины новыми сочными, хотя и не всегда точными подробностями, взятыми из окружающей действительности. В разгар пира «начали уже ребята бороться, а в ином кругу в кулаки битися.

²² Новгородские былины, с. 144—145.

²³ Сборник Кирши Данилова, с. 49.

²⁴ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М.: Наука, 1978, с. 112—113.

²⁵ Новгородские былины, с. 144.

²⁶ Там же, (например, № 23, с. 117).

²⁷ Рабинович М. Г. Военная организация городских концов в Новгороде Великом в XII—XV вв.— Краткие сообщ. о докладах и полевых исследованиях Ин-та истории материальной культуры, вып. 30. М., 1949.

²⁸ Новгородские былины, с. 147.

А иной дурак зашел с носка ево по уху оплел»²⁹. Видимо, не было редкостью и возникновение драки на пиру³⁰: оно предусматривалось и законодательством, установившим, в частности, что явившийся на братчину без приглашения сам отвечает за свою жизнь³¹. Обычным явлением во многих русских городах и в некоторых деревнях даже в начале нынешнего столетия были и кулачные бои, тоже со своими строгими правилами. В частности, запрещался определенный прием — «заходить с носка».

Подчеркнут и коллективный характер пира, складчина. Однако, как заметил еще Н. И. Костомаров, в былинах, записанных в XIX в., говорится не о древнейшей форме складчины натурой (продуктами — «ссып»), а о позднейшей, денежной ее форме, причем утрачен и принцип равенства всех членов братчины: Василий дает за себя взнос вдесятеро больше, чем за своих дружинников³². Добавим, что в древнейшем дошедшем до нас варианте вообще нет речи о складчине, но этот мотив мог присутствовать в каких-то других, не сохранившихся древних вариантах.

Интересно и встречающееся в поздних вариантах былины описание принципа обложения новгородцев данью в пользу победителя: «с хлебников — по хлебику, с калачников — по калачику, с молодежи — повенешное, с девиц — повалешное, со всех людей ремесленных опричь попов и дьяконов»³³.

Можно понять, что в представлении сказителя в прошлом веке братчина и кулачный бой были обычны, но вместе с тем некоторые древние детали путались: например, случайно возникшая драка с традиционным кулачным боем. Говоря о налоге, сказитель употребляет старые названия профессий — хлебники, калачники, которые лишь с середины XIX в. стали заменяться более общим названием «булочник»³⁴.

В былине о Василии Буслаевиче есть и бытовые подробности, рисующие жизнь богатого средневекового городского дома. Василий с матерью живут в белокаменном дворце с глубокими погребами, высоким теремом и широкими воротами (эти ворота потом «выбивают из пяты», что характеризует определенную конструкцию — полотнища ворот не навешены на петлях, а поворачиваются на оси, укрепленной в каменной «пяте»). Домашняя утварь добротная — чаны и ведра из дубовых клепок, из мебели назван «ременчатый стул» (видимо, с плетеным кожным сиденьем)³⁵.

Но главное — это картина новгородской общественной жизни примерно XIV—XV вв., когда в Новгороде усиливается влияние бояр, набирающих полуразбойничьи дружины, нередко вступавшие в резкий конфликт с городскими порядками. Это — время походов знаменитых ушкуйников, богатые событиями, подчас трагическими³⁶. Мнение о Васьеке Буслаеве как представителе городских низов подтверждения пока не получило.

В былинах о Василии Буслаевиче и о Дюке ясно выступает одна важная особенность городской семьи: относительно высокое положение женщины-вдовы даже при взрослом сыне: и Дюк и Василий Буслаевич покорны своим матерям (впрочем, до известного предела), а все персонажи былин, кому приходится сталкиваться с матерью Дюка или матерью Василия, чрезвычайно к ним почтительны. Относительно Новгорода это отмечал еще Н. И. Костомаров. Нам уже случалось писать, что

²⁹ Там же, с. 7.

³⁰ Липец Р. С. Указ. раб., с. 274.

³¹ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города, с. 138—139.

³² Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вещевого уклада. Т. II. СПб., 1863, с. 131.

³³ Сборник Кириши Данилова, с. 53.

³⁴ См. «и хлебник, немец аккуратный» (Пушкин А. С. Евгений Онегин, гл. первая, XXXV).

³⁵ Новгородские былины, с. 142—147, 49.

³⁶ Костомаров Н. И. Указ. раб., т. II, с. 144—145; Рабинович М. Г. О социальном составе новгородского войска. — Научн. докл. высш. школы. Ист. науки, 1960, № 3.

вообще в городской семье в XVII — начале XVIII в. главой нередко бывала мать-вдова; у обедневших посадских таких семей бывало и до $\frac{1}{3}$ ³⁷.

Общественный быт Новгорода характеризует и былина о Садко (Садке в произношении сказителя). Для города типичен сам ее сюжет. Наемный музыкант-гуслияр чудом разбогател и, что называется, «задрал было нос», похвалившись скупить на торгу все товары. Он «поставлен на место», едет в дальние края, попадает к морскому царю, но и здесь находит заступников и кончает свои дни почтенным богатым горожанином.

Уже само положение Садко до того, как он стал «богатым гостем», — его незавидная роль гуслияра, зарабатывавшего игрой на пирах, — обычно для большого города, где много богатых людей. Шумный обильный городской торг с его лавками, где не иссякают товары, — тоже образ, характерный для Новгорода. Разбогатевший Садко с помощью своей дружины два дня выкупает все товары. Но широко торговые связи Новгорода — и на третий день, оказывается, «второйне товаров принавезено. Подоспели товары московские». И заносчивый нувориш вынужден признать: «Не выкупить товара со всего бела света: еще выкуплю товары московские, подоспеют товары заморские. Не я, видно, купец богат новгородский, побогаче меня славный Новгород»³⁸.

Другая характерная для больших городов черта — строительство обетных церквей в благодарность, например за чудесное избавление от опасности. Благополучно выйдя из подводного царства, Садко ставит в Новгороде церковь Николе Можайскому³⁹.

Это место сопоставляют обычно с летописным известием о строительстве неким Сотко Сытиничем в 1167 г. церкви в Новгороде⁴⁰. Возможно, что созвучие имени не случайно, что прототипом былинного героя был реальный новгородец XII в. Но обращает на себя внимание несовпадение названия церквей. Здесь можно увидеть естественное для позднейших исполнителей былины стремление назвать церковь так, как назвал бы купец в их время: церкви Николая Можайского стали популярны уже после возвышения Москвы. Для XII в. более характерно было приведенное в летописи наименование церкви во имя первых русских святых — Бориса и Глеба.

Вероятно, с многократной передачей былины из уст в уста связана и имеющаяся в ней неточность в описании торга: Садко «распушал дружину по улицам торговым, а сам-то прямо шел в гостиный ряд»⁴¹. Для древнерусского города характерны не «торговые улицы», а сосредоточение торговли на торгу — торговой площади, где стояли все лавки и гостиные дворы для приезжих купцов (в крупном городе таких торгов могло быть несколько). Торговля в купеческих домах и как следствие этого образование торговых улиц относятся уже к XVIII в.⁴² Сказитель знал, что на торгу есть специализированные (как мы бы сейчас сказали) ряды. Но «гостиного ряда» не могло быть. Были гостиные дворы⁴³. Так, в этой былине можно увидеть и древнейшее ядро, восходящее едва ли не к XII в., и позднейшие наслоения.

Мы рассмотрели три важнейших былины, тесно связанные с древнерусским городом. Каждая по-своему, они дают художественные образы городской жизни. Здесь и княжеский пир, и новгородская братчина, и торг, и обычай «показать себя» у обедни в патрональной или приходской церкви, и кулачные бои, и церковное строительство, и городское хозяйство.

³⁷ Костомаров Н. И. Указ. раб., с. 135; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города, с. 186.

³⁸ Новгородские былины № 27, с. 151.

³⁹ Там же, с. 156.

⁴⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 32, 181, 219.

⁴¹ Новгородские былины, с. 151.

⁴² Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города, с. 41.

⁴³ Там же, с. 104—105, 108, 109.

Былины содержат множество сведений о военной и гражданской организации города, о городских нравах и обычаях, об одежде, украшениях, утвари горожан.

Из изложенного видно, что при должной научной критике можно использовать былины как важный исторический источник, что анализ текста позволяет выделить древнейшее ядро былины и позднейшие наслоения.

Научная критика былин и является основной задачей дальнейшего исследования. Здесь лишь намечены некоторые направления этой важной для историков работы. Не в последнюю очередь необходим тщательный текстологический анализ былин, сравнение их вариантов, выявление редакций — работа, которая успешно ведется фольклористами.

Сопоставление былин с письменными источниками и археологическими материалами позволит ввести былины в круг первостепенных источников по истории нашей страны. Источник этот выгодно отличает постоянно присутствующий в нем художественный образ.